

Менямоп позуум

Хен Крал

16+

Хен Крас

Метаморфозииум

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Kras X.

Метаморфозиум / X. Kras — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Истории, воплощающие в себе человечество во всех смыслах этого слова. Это истории о людях, и не имеет значения, живут они в антиутопическом обществе, в мире светлого будущего, наблюдают за крахом техногенной цивилизации или возвращаются к природе. О людях, которые могут встретиться с инопланетянами или полететь в космос. О тех, кто может быть построен из камня или жить сотни лет, но все равно обладать качествами человека. Перед Вами сборник рассказов автора Xep Kras - непохожих, созданных в разных жанрах, но объединенных одной темой - людскими пороками и достоинствами, способностью жертвовать и добиваться успеха, силой духа и слабостью. Что-то интересное в этом сборнике наверняка найдёт каждый, а быть может, и узнает себя?

© Kras X., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Антиутопия	5
К истокам	5
Замкнутый круг	8
Слишком умный дом	11
Готика	14
Бесконечное отмщение	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Антиутопия

К истокам

– Кнуд? Кнуд Аменабл, неужели это... Ты?

Мужчина нехотя оторвал взгляд от большого экрана, который занимал целую стену в его излюбленном пабе. Вечернее шоу с незамысловатым названием «Вечернее шоу», хорошая бутылка крепкого дешевого пойла, большая порция сильно прожаренной закуски и очень успешно занятый мягкий диван в переполненном заведении – все, что требовалось для счастья после тяжелого рабочего дня.

– Ну, я. Че надо? – Кнуда несколько удивило появление одетого в дорогой костюм мужчины, который казался еще совсем юнцом. Было в нем что-то знакомое.

– Я могу присесть?

Аменабл, развалившийся на диване и предающийся чревоугодию, скинул ноги на пол, освобождая немного места рядом с собой.

– Ну, садись. Че надо-то? Будешь?

Мужчина в грязной рабочей робе протянул наполовину осушенную бутылку, проявляя высшую степень гостеприимства. Производитель пойла не долго думал над названием – на этикетке значилось «Веселая пьянь», что вполне отражало состояние любителей данного напитка после первого выпитого литра.

– Нет, благодарю. Я хотел бы поговорить и...

– Не будешь? И чего тогда сел? Иди отсюда!

– Но, мистер Аменабл, я бы хотел представиться... Я – Рейз Аменабл, ваш младший брат!

Лицо Кнуда ничуть не изменилось. Он погладил торчащую короткую бороду, жесткую и неухоженную и вновь приложился к бутылке. Юнец же выглядел восторжено-встревоженным. Он смотрел, не моргая, и почему-то раскрыл руки для объятий, на сколько это было возможно за небольшим столиком.

– Бывает, – пожал плечами старший брат, – От меня-то че надо?

– Как – что? – вид растерявшегося молодого мужчины развеселил человека в робе, не так, как телешоу, но это уже было хоть чем-то, и он засмеялся. Младший брат же, часто дыша и глотая воздух, поднял брови, от чего стал выглядеть еще более молодо, и затараторил, – как это что? я же брат. Мы же – братья. Мы не виделись долгие годы... Я искал тебя, я приехал сюда, чтобы тебя спасти, а ты даже не рад встрече!

– Так, а отчего мне радоваться? Я-то тебя не искал.

– Но я приехал, чтобы забрать тебя домой. Чтобы спасти и вернуть тебя к привычной жизни. Я смог выбраться из аграрной общины, выучиться, получил хорошую работу. Я узнал, кому продали дом нашей семьи, выкупил его, и теперь я нашел тебя! Я понимаю, что твоя жизнь сложилась не лучшим образом и, наверное, ты не могу ничего изменить, но теперь я помогу тебе. Если я смог многого добиться и выбрался со дна, то ты, со всеми своими знаниями и талантами, и подавно сумеешь. Родители выбрали тебя и поверили в тебя!

В современном обществе самые обеспеченные люди зачастую заводили лишь одного ребенка, так как прокормить, и, главное, воспитать и обучить, помочь найти достойное место, двум и более детям не представлялось возможным. Чета Аменабл же, обеспеченная и имеющая множество завистников, после рождения младшего, третьего, сына, потерпела крах в своем новом проекте и потеряла более половины состояния. Сначала, чтобы выровнять свое положение, они продали младшего годовалого отпрыска бездетному президенту транспортной компании, но суммы хватило ненадолго, и вскоре пришлось вновь решать, что делать. Роди-

тели Кнуда понимали, что должны были выбрать между двумя детьми и дать шанс на будущее самому талантливому. Поскольку старшему и любимому сыну исполнилось на тот момент уже четырнадцать, и он рвался учиться, то выбор, от кого избавиться, пал на девятилетнего Рейза – его отдали в аграрное общество, где он должен был работать, и благополучно бросили все силы на воспитание старшего из детей.

– Ну и зря. Меня-то они не спрашивали, чего я хочу.

– Как ты можешь так говорить?! Родители позволили тебе получить образование. Ты учился, смог пойти в университет и после него мог стать кем угодно! А что ты выбрал?

Образование и грамотность с самого зарождения цивилизации было привилегией обеспеченных и талантливых людей. Со временем процент тех, кто мог обучаться в высших учебных заведениях возрастал, минимальное образование становилось обязательным, но после все вновь стало возвращаться к истокам. С каждым годом бюджетных мест в университете становилось все меньше, пока они не исчезли полностью. Оплата за получение знаний все возрастала и возрастала.

Выпускные школьные экзамены постепенно упрощались, в то время как вступительные для получения высшего образования, наоборот, становились все изощреннее. Это отсеивало неспособных вкладывать дополнительное время, силы и средства на первом этапе. Постепенно, кроме вступительных экзаменов, с молодых девушек и юношей, желавших попытать счастье и стать студентами, стали требовать также прохождения разнообразных тестирований на уровень развития, предпочтения и психическое состояние – поначалу это пропагандировалось как необходимость искоренить тех, кто бросит учиться еще в первые три семестра, но довольно скоро стало скорее инструментом отсева неугодных абитуриентов.

Следующий шаг не заставил себя ждать, и будущим студентам пришлось подавать о себе полную и подробную информацию, включая всевозможные увлечения, любые, даже самые незначительные, нарушения, маршруты передвижения, заслуги и неудачи с самого рождения. После этого к списку добавили множество характеристик, которые постепенно стали важными документами и начали собираться людьми в течение всей жизни. Последним и решающим шагом возвращения во времени стало решение об обязательном предоставлении подробной биографии, в которой особое внимание уделялось родителям и всем родственникам до шестого, а затем и более, колена.

Призыв ко включению всех этих документов в список требуемых имел под собой разумное обоснование – население непрерывно возрастало, и его нужно было обеспечивать. Более всего рабочих рук требовалось на самом нижнем уровне, в несколько раз меньше – на среднем, и самый минимум – на верхнем. С середины двадцатого века, когда в моду стали входить разнообразные движения, защищающие права определенных групп или полов и борющиеся за равенство и доступность всех благ, каждый член общества возжелал подняться как можно выше и считал зазорным заниматься менее оплачиваемой и простой работой. Доступность книг и самообразования через всемирную сеть нарушило привычный ход вещей. Компании начали нести убытки, одиночные новые изобретения начали заполнять мир, однако, не хватало желающих поддерживать то, что уже работало многие годы. Все большее число представителей человечества считало себя достойным лишь самых важных, главенствующих должностей, и в какой-то момент оказалось, что количество управляющих превосходит исполняющих приказы работяг в несколько раз, и производства чахнут на корню.

Последовавшие за этим забастовки и вооруженные стычки, голод, болезни и появление бесконечного множества религиозных общин, почти что вернуло общество в средневековье. Стоящие у власти по всему миру приняли единогласное решение и, чтобы спасти человечество, начали насильно воссоздавать четкое разделение на классы. Одним, пожалуй, самым важным, аспектом было образование и доступность различных знаний. К тому моменту, когда Кнуд должен был поступать, благодаря появлению целого ряда требований, образование стало прак-

тически наследственным и доступным лишь привилегированным людям. Считалось, что это также должно было научить людей настойчивости и вновь привить стремление к продвижению, однако, все сложилось несколько иначе. Выросший на телевизионных шоу, сериалах и вынужденный работать в сферах, не требующих почти никаких умственных напряжений, низший класс ни к чему не стремился и в полной мере наслаждался примитивной жизнью. Средний класс практически перестал существовать – все, кто могли чего-либо добиться продвинулись выше, а те, кто не желал из кожи лезть, скатился на самое дно.

Кнуд пытался оправдать ожидания своих родителей, он все бежал и бежал вперед, стремился и учился. Он чувствовал постоянную усталость и не понимал, к чему в итоге он так настойчиво идет. Родители наставляли его каждый день в юности, но со временем их давление стало ослабевать, и к третьему курсу сошло на нет. Старший сын, почувствовав свободу, начал искать способы развлечься и познать все области жизни. Однажды он вместе со своими приятелями отправился в ту часть города, где проживал низший класс, чтобы ознакомиться с их бытом и способами проведения досуга, и влюбился.

Нет, он не встретил женщину, которая смогла его очаровать, но бесконтрольные драки, многочисленные питейные заведения, бордели, аттракционы и шумные вечеринки, шоу, что были запрещены в высшем обществе – все это безумно понравилось Аменаблу. Здесь не было правил, не нужно было прилагать никаких умственных усилий, не было четкого расписания, обязательных уроков, библиотек. Никто вовсе не требовал что-либо знать, можно было выражаться, говорить неправильно и коверкать слова – все это прощалось. Тот, кто имел все конечности, оба глаза, ума, чуть побольше, чем у дерева и мог научиться выполнять действия в определенном порядке, или же обладал физической силой, могли с легкостью найти себе хорошую работу и, наконец, остановиться.

Уставший бежать вперед, не понимающий зачем нужно добиваться чего-то, когда можно расслабиться, Кнуд бросил университет, чем довел свою мать до нервного срыва, а отца – до инфаркта. Тяжелая болезнь родителей не помещала ему собрать вещи, заполнить всевозможные формы, около двух десятков раз ответить «да» на предупреждения о том, что вернуться назад будет невозможно и сменить оковы высшего общества на свободу и счастье.

– То, что мне понравилось.

– Ох, брат, неужели ты не понимаешь, что твой выбор лишил жизни наших родителей? Я знаю, что ты не прибыл проститься когда их отключали от аппаратов и даже не попытался отстоять наш дом. Наверное, я так думаю, у тебя случилось какое-то горе и потому ты сошел с ума. Я обещаю, что никогда не стану спрашивать тебя об этом и тем более винить в случившемся, но прошу – давай мы вернемся в наш дом вдвоем и попробуем еще раз.

– Мне это не интересно.

– Тебе интереснее быть на дне, чем стремиться вверх? Я не понимаю!

– Да. Это моя жизнь, и меня она более чем устраивает. Не все рождаются, чтобы бежать в колесе, как белка, до самой смерти, просто чтобы не опуститься вниз. Некоторым лежать на дне куда больше по душе. А теперь проваливай, ты мешаешь мне смотреть шоу!

Замкнутый круг

Почти сорок лет назад женщины всего мира начали свою борьбу за возвращение мужчин на их привычное место и назвали это вирмизмом. Лука де Беттан стала основоположницей движения и главной активисткой. А теперь, спустя столь продолжительный срок, заодно самой известной личностью, которую разыскивали власти большинства стране мира. Она всегда находила способ бежать, продолжала вести свою пропаганду, привлекая к главной проблеме двадцать третьего века все больше сторонниц, однако, в этот день удача изменила ей.

Чтобы как можно скорее покончить с де Беттан и, соответственно, главной опасностью для устоявшегося строя, было решено провести суд в тот же день. Многие в зале кричали, что престарелой сто двенадцатилетней женщине должны избрать наивысшую степень наказания, но Лука знала, что присутствуют и ее сторонницы, которые очень боятся открыть себя раньше времени.

Преступницу вывели в центр зала, и на ее руки, что все еще выглядели достойно и совершенно не показывали возраста, надели толстые браслеты из пластика – хрупкие на вид, но грозящие носителю, в случае если он решит выйти за пределы обозначенного на полу круга, лишением конечностей. Инстинкт самосохранения был куда лучшим способом управления, нежели решетки, допотопные наручники или кандалы, о которых можно было узнать из исторических книг.

Лицо де Беттан, на котором лишь начали проявляться морщины, скривилось, когда она осматривала зал. Сорок лет ее трудов прошли даром – присяжные, судья, охрана, все эти посты занимали женщины. Во всем помещении был единственный мужчина – секретарь, что должен был переключать изображения на кране, да и то, его держали скорее ради красоты, чем для дела. Все присутствующие были куда моложе подсудимой, как минимум лет на тридцать, и Лука поняла, что ничего хорошего из этого не выйдет, ведь они совсем не помнят старый мир и даже не читали о нем.

– Мадмуазель Лука де Беттан, вы понимаете, почему здесь находитесь?

– Зовите меня «мадам». Хоть вы и считаете все это глупостью, но у меня был супруг и, в свое время, мы успели узаконить наши отношения.

Наступила тишина. Единственный мужчина спохватился и махнул в сторону экрана рукой в тонкой фиолетово-черной перчатке и на дисплее высветилось подтверждение слов подсудимой – свидетельство о браке.

– Эти документы давно устарели и уже полвека считаются недействительными.

– Я мадам де Беттан, мой муж не дожил до принятия закона о расторжении всех браков, и потому я признана вдовой и не вернула себе обращение «мадмуазель».

– Мадам де Беттан, вы понимаете почему находитесь здесь?

Преступница посмотрела на молодую судью, чей возраст не превышал шестидесяти и кивнула. Начиная с середины двадцать первого века продолжительность жизни населения в развитых странах постепенно увеличивалась, как и разрыв между женщинами и мужчинами. Медицина и сфера красоты не стояли на месте и старение перестало быть проблемой до весьма внушительного возраста. К началу двадцать второго века продолжительность жизни прекрасной половины человечества достигала в среднем ста десяти лет, а к началу следующего столетия – ста сорока. Шестидесят лет стали считаться молодостью, ведь за это время можно было успеть получить образование, которое теперь включало в себя подробное изучение всевозможных дисциплин и не менее десяти лет практик, вступить в программу по продолжению рода, быть может закончить первый этап воспитания детей и получить небольшой рабочий опыт, но не более того. Овладеть мастерством было возможно разве что к восьмидесяти-девяносто годам, и потому обилие малоопытных присяжных, прокуроров и совершенно зеленого адво-

ката, которая, в лучшем случае, успела закончить практику, сдать все нормативы и завершить первый год работы, оскорбляло де Беттан. Впрочем, разгадать план, почему все присутствующие были подобраны именно таким образом, было не сложно – к тому времени, как они пошли в школу, ни на одном уроке в мире уже не рассказывали, какое место занимали женщины, и какое – мужчины всего три-восемь столетий назад.

– Я понимаю, почему я здесь по вашему мнению, но я не согласна с данным решением.

– Мадам де Беттан, отвечайте на мои вопросы только «да» или «нет». Вам, как и положено, представлен адвокат. Желаете ли вы переговорить с ним наедине перед процессом?

– Мне не нужна эта молодая девка, она еще и учиться-то не закончила! Сколько ей, тридцать? Сорок?

– Мадам де Беттан, я настоятельно прошу вас прислушаться к моим словам и четко отвечать на мои вопросы, если только мы не попросим вас дать развернутый ответ. Вы меня понимаете?

– Вы никогда не попросите.

– Мадам, я предупреждаю вас в последний раз. Вам нужна личная консультация?

– Нет.

– У вас есть пожелания прежде, чем мы начнем?

– Я бы хотела сама защищать себя.

– Но, мадам, у вас нет подходящего для этого образования...

– Меня это не волнует.

Никто не стал перечить и преступнице позволили самостоятельно говорить и защищаться. Все, в том числе и Лука, понимали, что без адвоката у подсудимой шансов на оправдательный приговор и даже на его смягчения нет вовсе. Все поколение женщин, чей возраст не достигал сотни лет, изучали совершенно видоизмененную и исковерканную историю, и в их глазах мадам де Беттан была чудовищем.

– Мы бы хотели узнать о том, что сподвигло вас идти против законов, создать свою преступную группировку, уничтожать и высмеивать все ценности общества. Почему вы предпочли бороться за мужчин, мадам де Беттан, и организовать движение вирмизма?

– Чтобы вы смогли понять меня, мне придется поведать вам о предыстории сложившегося у нас общества. Пожалуй, я начну с восемнадцатого века...

Еще в том далеком столетии чувствовавшие себя несправедливо принижаемыми и оскорбленными женщины начали бороться за свои права. С каждым годом все большее количество людей, сначала исключительно представительниц слабого пола, а после и примкнувшие к ним мужчины, начали радеть за получения женщинами прав. Возможность работать и самостоятельно себя обеспечивать, защищать свою политическую точку зрения, участие в выборах и возможность занять главенствующие должности, вождение транспорта, одинаковые условия на рабочих местах, возможность использовать все блага и входить во все доступные на планете сферы деятельности – все это постепенно было получено. Но этого оказалось недостаточно, и борьба слабого пола продолжалась.

Ранее угнетенные женщины постепенно захватывали сферу деятельности за сферой, продолжали сражаться за свои права, добиваться привилегий, пока в середине двадцать первого века это не переросло в постепенное угнетение мужчин. Некоторые особи, что не желали противиться смене ролей, поддерживали женщин и не видели в происходящем ничего плохого. К середине двадцать второго века в мире, который хотели довести до какого-то идеального состояния, в обществе вновь воцарился восемнадцатый век, но перевернутый с ног на голову. И деятели, которые прикрывались словами «на благо общества и во имя справедливости» продолжали вводить все новые и новые правила, в конечном итоге лишившие мужчин не только возможности в большинстве своем получать образование, но и многих других благ.

Чуть более восьмидесяти лет назад Комитет Образования и Развития принял важное решение – рассказывать в образовательных учреждениях о настоящем ходе истории неверно, так как это может повлиять на моральное состояние населения, в том числе и мужчин, и потому истину стало возможным обнаружить лишь в старых, редких, чудом сохранившихся экземплярах книг в Главных библиотеках мира. Однако, для получения окончательного превосходства требовалось избавиться от последнего упоминания о когда-то равных отношениях – брака. Полвека прошло с тех пор, как все заключенные союзы были признаны недействительными.

Лука помнила, как супруг, что был старше женщины на пять лет и, несмотря на то, что медицина считалась привилегией слабого пола, мог рассчитывать прожить еще не менее тридцати, а то и сорока, однажды вышел из дома и более не вернулся. Лишь через две недели поисков и жалоб во все инстанции женщине сообщили, что отныне мужчины, чей возраст превышает среднестатистический подходящий для воспроизводства потомства, более не требовались обществу и отправлялись в специально построенный для них лагерь доживать свой век.

Мадам де Беттан потратила шесть лет, прежде чем узнала, что никакого лагеря не существует, и мужчин старше шестидесяти убивали и отправляли в крематорий. Это послужило отправной точкой для начала движения за права мужчин. Лука, жизнь которой, как ей ранее казалось, сложилась наилучшим образом, поняла всю несправедливость общественного строя, оставила детей, чтобы те не пострадали и посвятила всю себя новому делу.

Ренцо фон Элизо, муж главы течения по защите прав женщин, вместе со своей супругой встал на прозрачную платформу, которая мгновенно подняла их на висящую в воздухе трибуну. Под руку с избранницей мужчина сошел с подъемника и кивнул, приветствуя всех собравшихся. Множество небольших голограмм, которые изображали своих хозяев и полностью повторяли их действия, сливались в единое пятно – так их было много.

– Герр фон Элизо! Фрау фон Элизо! – приветливо закричала толпа, среди которой преимущественно были женщины, и супругам пришлось поднять руки. Вспыхнувший всюду желтый свет был призывом соблюдать правила приличия и утихомириться.

– Сегодня, в день памяти о Фрау Луке де Беттан, которую осудили и приговорили к смертной казни ровно три сотни лет назад, я хотел бы привлечь ваше внимание к главной проблеме нашего времени – мы шагнули далеко назад в прошлое, когда после развившегося движения, названного вирмизмом, вернув себе все права, поступили совершенно бессовестно и начали лишать женщин привилегий. Мы с супругой желаем выступить против несправедливости и начать борьбу за принятие равенства полов!

Слишком умный дом

Утро началось как обычно – после четвертой трели будильника ножки с одной стороны кровати выросли, приподняли основание вместе с матрасом, и спящий человек скатился на пол. Ламели тихо скрипнули, когда на них перестали давить, и первой мыслью игнорировавшего будильник были планы заменить старый лежак, он стал издавать слишком много звуков.

Райли Морэнс поднялся на ноги. Он с самого детства плохо просыпался, никакие мелодии не помогали ему, даже звук старого будильника из позапрошлого века, столь искусно повторенный и громкий, что всем гостям, когда таковые оставались на ночь, с утра казалось, что раритет приставили им прямо к уху, никак не мог повлиять на хозяина дома. Именно поэтому мужчина был вынужден продумывать, создавать с товарищем и настраивать такую кровать, что была способна разбудить своего владельца.

– Доброе утро, Райли! – поприветствовал его приятный женский голос, – У вас одно новое сообщение.

– Отправь запрос на замену кровати на фабрику, Дом. Пусть привезут как в прошлый раз, а все ножки я заменю сам, – Морэнс проследовал в ванную комнату. Небольшое помещение, на первый взгляд казавшееся обычной пустой комнатой, на самом деле имело все, что было необходимо – сантехника, для экономии места, убиралась в пол и в стены и выдвигалась по мере необходимости. При нужде в полу открывались сливы, а из стен выдвигались душевые лейки. Хорошая вентиляция помогала выгонять лишнюю врагу и, даже если требовалось зеркало сразу после душа, оно не запотевало.

Райли быстро привел себя в порядок, покинул уборную и открыл дверь, что шла из спальни в небольшой коридор, оканчивающийся еще двумя дверями и лестницами – одной наверх, а другой – на первый этаж.

Внизу находилась гостевая комната, одно большое помещение с диванами, креслами и экранами, небольшая кухня, в которой, по принципу ванной, техника в большинстве своем, выдвигалась по желанию владельца. Система умного дома была настроена таким образом, что распознавала голос и настроение хозяина, могла ориентироваться по его жестам и даже морганию, если таковое было необходимо.

Камеры слежения, которые были вмонтированы абсолютно во всех местах, позволяли владельцу быть уверенным в безопасности жилища и не тратить драгоценное время на какие-то бытовые дела. Умный дом, что создали еще два столетия назад и который был доступен лишь обеспеченным людям, в двадцать третьем веке входил в самый минимальный социальный набор и закладывался в программу любого строительства. Власти утверждали, что заботились о людях, но Морэнс понимал, что дело в необходимости уместить множество помещений на небольшом клочке земли.

В двадцать первом веке, к его концу, человечество довело свою планету до глобальных климатических изменений, всюду выросли горы мусора, начали стремительно сокращаться площади лесов и вымирать животные. Планета начала угасать и забирать с собой своих обитателей – эпидемии, которые не удавалось вылечить, мутирующие штаммы болезней, истощение природных ресурсов, а в заключении и неизбежно уменьшающееся количество кислорода и продолжающее расти население. Для того, чтобы была возможность выжить хоть у кого-то, часть великих и сильных держав объединилась и уничтожила остальных людей.

Но этого было мало – все могло повториться вновь, и еще не раз. Чтобы глупость не достигла такого же апогея, волевым усилием и совместными трудами было издано множество законов и продуманы обязательные условия существования. Одним из таких стало сокращение места для жизни, которое никоим образом не должно было отразиться на качестве. Теперь

частные однокостоящие дома могла позволить себе лишь элита, всем остальным же приходилось довольствоваться множеством соседей сверху, снизу и по обеим сторонам.

Дом Райли занимал двадцать пятый, двадцать шестой и двадцать седьмой этажи и находился на углу комплекса, поскольку мужчина был весьма обеспечен и не обделен наследством после смерти родителей. Как и у других, у него имелся выход на террасу с одной стороны дома, а с другой – на специально разработанную платформу, на которой был воспроизведен газон, заборчик, место для посиделок, система для копчения и жарки, шторы, потолок и лампы, которые помогали воссоздать ту температуру, погоду и время года, которые в данный момент желала душа.

– Дом, сделай мне кофе.

– А как же завтрак, Райли?

– Не хочу. Ты же знаешь, я не люблю есть с утра.

– Это очень вредно, Райли. – дом включил экран на котором отобразились внутренние органы человека, – Я вынуждена повторить вам вновь, насколько бесполезна ваша привычка и объяснить принципы правильного питания. У вас одно новое сообщение.

– Ох, да перестань! Убери эту мерзость! – Морэнс махнул рукой.

Чашка, словно по волшебству, появилась на столе, выехав на подставке из барной стойки. Нос мужчины уловил запах кофе с лимонным экстрактом – по-другому цитрусовые, да и другие фрукты, ягоды и овощи редко хранили, не хватало места для складов.

– Повторить, Райли?

– Да, пожалуй. Через сколько мне выходить?

– Через одиннадцать минут. У вас одно новое сообщение.

– Заладила с сообщением. Какая у него ступень?

Все сообщения делились по ступеням, которые каждый человек мог отрегулировать по своим запросам. Вторую обычно занимали самые близкие люди, и ею пользовались лишь в экстренных случаях, третья принадлежала врачам, социальным службам и другим необходимым сферам обеспечения, четвертая – друзьям и начальству для сообщения важных моментов. Далее отводилась ступень на регулярные сообщения от родни и приятелей, на сообщения о новостях, для служб доставки и всего прочего. Дом никогда не повторяла так часто о новых сообщениях и Морэнс уже подумывал, что он сломался.

– Первая, Райли.

– И так чего же ты молчишь? Открывай скорее!

Мужчина брел по темной улице, с трудом передвигая ноги – ему было дурно. В нескольких местах он проваливался в ямы, в которых была отвратительная жижа, похожая на сточные и канализационные воды. Вокруг стоял смрад, тошнотворный и омерзительный, и было непонятно, как люди могли долго находиться в подобных условиях.

Ни крысы, ни тем более собаки и кошки не встречались на протяжении всего его пути. Тараканы и люди – лишь они выживали в любых условиях.

– Эй, ты! – на пластиковой кубообразной бочке, которые уже лет сорок как перестали производиться, сидело несколько мужчин. Возвышенность спасала их от творящегося под ногами ужаса. Один из сидящих и окликнул мужчину, – Ты кто такой и откуда здесь?

– Р-Райли. Из г-города. В-верхнего г-города.

– А, так ты из этих... Прогнали, брат? Чего натворил?

Морэнс огляделся по сторонам, он уже не знал, кому можно доверять, а кому – нет. Вдалеке от дороги он видел небольшие островки из пластика, земли, травы, мусора, а на них – жилища, которые напоминали укрытия кочевников из исторических книг, кажется, такие назывались шалашами. Горели костры, вокруг них сидели люди, а яркие старые кубические бочки стояли вдоль всей центральной дороги.

– Н-ничего. Я ничего не делал! Я не понимаю, что я здесь делаю.

Все началось с того самого сообщения первой ступени, которое пришло утром. Его хотел видеть у себя совет мэра города и это было официальным освобождением от работы. Райли прибыл и обнаружил, что он ожидает непонятно чего не один. Около сотни таких же одетых в костюмы, аккуратных и важных мужчин и с десяток женщин толпились в довольно просторном зале. Разговаривать с незнакомцами, тем более в подобной ситуации, считалось верхом неприличия, однако, к Морэнсу трижды подходили и интересовались, не знает ли он чего.

Около получаса продлилось ожидание, что было нетипично – редко кто позволял себе подобное опоздание, все следовали определенному распорядку и придерживались временных рамок. Представитель мэра появился на экранах на всех четырех стенах.

– Добрый день, жители верхнего города, – поприветствовал худосочный человек, с его щек свисала кожа, глаза были впалыми, а рот казался слишком большим, когда он говорил. Райли уже однажды видел его, в тот раз мужчина делал объявление о том, что человек из нижнего города, места, где были сосредоточены все простые рабочие, малообеспеченные и ни на что более не способные, пробрался в верхний и мог стать причиной всплеска преступности.

– Уверен, что вас мучает вопрос, почему вы здесь? – продолжал тощий мужчина, – На всякий случай хочу предупредить вас, что все выходы из помещения заблокированы, а снаружи стоит охрана. Итак, присутствующие здесь мужчины были выбраны для того, чтобы отправиться в нижний город, а женщины – чтобы продолжать наш род. Тише-тише, не стоит галдеть, я все еще говорю! Уже многие годы специально обученные люди следят за жизнями всех горожан и их бытом. Умные дома, которые теперь являются необходимостью, сообщают информацию о каждом из вас – о предпочтениях в еде и напитках, о проведении досуга, о вашем круге общения, о разговорах, что ведете, фильмах, которые смотрите и расписании. Мы знаем обо всех ваших планах на будущее, отклонениях от норм и можем сделать вывод о том, что вы способны принести обществу. Все вы были отобраны, так как имеете прекрасное здоровье, но не приносите городу никакой пользы – ваши места с легкостью можно отдать другим, более перспективным людям. Именно поэтому вас отправляют в нижний город – для рабочего требования намного ниже.

Люди кричали, обещали жаловаться и вели себя совершенно несдержанно. Райли не издал ни звука, когда его уводили прочь из верхнего города, он читал про нижний, и был уверен, что он ничуть не хуже его родины, разве что, вместо офисов и экранов там будут механизмы и более простые роботы.

Но Морэнс вдруг оказался совсем в ином мире. Его спустили вниз на лифте и указали, куда идти. Темные и почти не освещенные улицы, грязь, горы мусора, множество различных труб, торчащих отовсюду и уходящих вверх. Длинные помещения, в которых слышался гул работающих механизмов. Над головами, высоко-высоко, светили звезды – так казалось сначала. Лишь приглядевшись, Райли понял, что это фонари города, темные пятна, что он видит – фундаменты зданий. Толстый полупрозрачный материал разделял зоны и не пропускал вонь и дым.

– Я полагаю, что-то напутали. Меня д-должны были отправить в нижний город, – Райли все не мог совладать с собой и перестать заикаться.

– Разуй глаза. Это он и есть.

Готика

Бесконечное отмщение

Возраст замка, что был возведен у берега Балтийского моря, насчитывал уж более семи сотен лет. Может, время не пощадило бы его, но многочисленные желающие почувствовать себя могущественной знатью прошлого перекупали его друг у друга, реконструировали и ремонтировали, позволив строению продолжать жить.

Очередные покупатели стояли на залитой солнцем лужайке перед единственной восстановленной стеной, что ранее оберегала жителей укрепления от врагов. Ров, что был когда-то вырыт на добрых два с половиной человеческого роста, уже давно был позабыт и порос травой, но старые ворота и опускающийся мост функционировали. Скорее всего, благодаря предыдущим владельцам.

Высокие остроконечные крыши башенок приветливо поблескивали ясным и жарким днем, а толстые каменные стены обещали долгожданную прохладу. Вдалеке слышался шум моря, слабый ветерок покачивал тяжелые многовековые деревья, чьи верхушки выступали над зубьями стены.

– Вот увидишь, Карл, это прекрасное вложение! – женщина средних лет, миловидная и темноволосяя, вернулась к машине, чтобы начать доставать чемоданы и сумки с вещами.

– Не уверен, Мариша, – покачал головой мужчина. Он походил на женщину, хоть и выглядел на несколько лет старше, – Зачем нам это? Целое лето черт знает где, без средств связи и нормальных условий... Глупости это.

– Нет-нет, что ты! Здесь уже давно установили ванную, подвели воду и поставили бойлер. Конечно, экономить воду придется, да и топить дровами, но это того стоит! Подумай сам, братец, ты оформляешь развод, я уж два года как развелась, ни у тебя, ни у меня с детьми не сложилось, а это все, – она сделала полукруг рукой, – то, о чем мы мечтали, когда были юны. Ты помнишь?

– Помню-помню.

– Раз помнишь, иди сюда и помоги мне. Чарльз сказал, что на машине лучше не заезжать – все же мост довольно ненадежен. Его, конечно, привели в порядок, но не для машин. А у ворот можно застрять – земля во рву неутрамбованная.

– Ох, напомни, сколько мы отдали за это удовольствие?

– Прекрати! Наш отпуск пройдет незабываемо – два месяца в тишине и покое, вдалеке от людей и забот.

Брат навьючился сумками, взял в каждую руку по чемодану и медленно пошел вперед. На опустившийся мост он наступал с осторожностью, прощупывая перед собой каждый дюйм. Сестра же, подхватив еще одну сумку, рюкзак и чемодан, последовала за ним, восторженно разглядывая их летний домик.

– Поторопись, Карл, или пропусти. О, да неужто ты испугался досок? Они крепки, смотри, – женщина чуть попрыгала на середине прохода, – Все в порядке!

– И что мы собираемся делать здесь?

– Не знаю как ты, а я хочу, в первую очередь, осмотреться. Чарльз говорил, что здесь даже сохранилась часть подземных помещений. Когда-то там, наверное, были лаборатории и проводили страшные эксперименты...

– Мариш, какие эксперименты? Этот замок, скорее всего, принадлежал раньше мелкому лорду или барону. Здесь скорее устраивали рыцарские турниры и пиры, а не создавали золото.

– Вот это и надо выяснить. Интересно же!

Ветер завывал уже четвертый день и все не желал успокаиваться. Днем Карл и Мариша еще могли выбраться прогуляться по берегу, недолго, всего пару часов, пока не промерзали до костей. Вечерами же выйти из замка было невозможно – обещанная жара никак не желала приходить и даже стоять на балконе, раскуривая сигарету, дольше пяти минут было сложно – пальцы замерзали.

Мариша постоянно жаловалась, что ее не покидает странное ощущение, будто за ней неустанно следят, но ни единой живой души кроме них двоих не было.

Завезенных риэлтером Чарльзом заранее продуктов и напитков должно было хватить и более, чем на два месяца, а вот выпивка начала подходить к концу – Карл не подумал запастись и спасался лишь оставленными подарками для богатых покупателей.

Сестра где-то гуляла, и мужчина вышел на балкон, чтобы вытянуть очередную сигарету. Через пару затяжек он услышал тихий звук, походивший то ли на вой, то ли на стоны. Оправдать это ветром, что проходит через бойницы, было можно, однако, сердце все равно начало стучать чаще. Карл задымил быстрее.

Прохладный и влажный воздух не позволял дыму быстро рассеиваться, он пеленой закрывал обзор на небольшом выступе. Мужчина помахал в воздухе рукой, чтобы поскорее разогнать облако и увидел перед собой призрачный силуэт.

Над колонами, что должны были предостеречь проживающих от падения вниз, висел рыцарь. Его одеяния были покрыты бурыми пятнами, его плащ и длинные светлые волосы колыхались, но совсем не в ту же сторону, куда дул ветер, в его ножнах не было меча, а шлем он держал у правого бока. Глаза призрачного создания были закрыты.

Карл отшатнулся, да так, что натолкнулся спиной на каменный выступ и захрипел от боли, выронил сигарету на пол и закрыл рот рукой, чтобы не закричать. Рыцарь не шелохнулся. Несколько минут оба мужчины не двигались, и новый хозяин замка уж решил, что это все глупая штука. В конце концов, Чарльз так долго вещал им о разных покупателях, что почему-то быстро хотели расстаться со своим приобретением, либо, по какой-то причине, пропадали, что с него стало бы устроить розыгрыш.

– Эй, это не смешно! Я из-за ваших глупых шуточек половины сигареты лишился, а у меня и так их немного. До города потом вы поедете, понятно?

Никакого ответа не последовало.

– И что это такое? А, вы с Маришей решили подшутить надо мной? И каким образом у вас это получилось? Это голограмма? Оптический обман? А, или тот странный вкус у чая был потому, что вы что-то мне подсыпали? Учтите, я не идиот и на это вестись не буду! – Карл подступил ближе к рыцарю, – Как дети, право! – он помахал руками перед призрачным силуэтом, а когда коснулся его, то почувствовал отвратительный и пугающий холод, что пробежал от кончиков пальцев до самого сердца.

Рыцарь открыл глаза, поднял голову и посмотрел на Карла.

Вскрикнув, мужчина отшатнулся, в этот раз он нащупал выход, ввалился внутрь и, не теряя времени на то, чтобы встать на ноги, подполз, захлопнул дверь, повернул ручку и аккуратно выглянул наружу. Рыцаря не было и в помине.

– Ты чего разорался, братец?

В дверях комнаты стояла Мариша с полотенцем на голове.

– Я... Я там... – мужчина осторожно поднялся на ноги, снова посмотрел на улицу. Призрак исчез.

– Ты там что?

Позволять поднимать себя на смех и давать идею, о чем поведать друзьям при встрече, Карл совершенно не желал. Мало ли, что может показаться? Да тем более на свежем-то воздухе, вечером, да после попавшего в глаза дыма...

– Да уронил уголек на себя. Боль адская.
– Болван ты, все-таки, – засмеялась Мариша.
– А ты где была? Совсем пропала из виду.
– О, я искала, чем бы себя развлечь. Смотри, что я смогла откопать в хламе на верхнем этаже башни, – сестра потрясла старым и пыльным журналом, или тетрадь, или тонкой книгой – пожелтевшая обложка, в одном месте прогрызенная крысой или кем-то подобным, выглядела неприглядно, чем бы ни была на самом деле, – Испачкалась вся. Паутиной вот перемазалась. Пришлось идти отмываться, я только выходить из ванной собралась, и ты кричишь...

– И что это?

– О, это дневник некоего мистера Тэмпенса. Я прочитала несколько страниц – аж дух захватывает. Хочешь, прочту тебе вслух?

– Здесь все равно нечем заняться. Что ж, давай.

– Сие записи я, Г. Р. Тэмпенс, вознамерился вести, дабы мои будущие сыновья и дочери не остались в неведение о счастливой жизни моей и возлюбленной жены моей Элеонны, ежели Бог наш, Единый и Общий, возжелает разлучить нас и заберет к себе в царствие свое ранее, чем дети наши довольно прознают отцовской аль материнской любви, – начала зачитывать Мариша и перевернула страницу.

«14 мая 1879 г.

Великая благодать Божья обрушилась на нас. Единственный родич моей прекрасной супруги, что пережить сумел все войны и голода, прадед четвертой ступени родства, завещал нам поистине бесценный подарок. Чудесный замок на берегу моря народа балтов, просторный, с уютным зимним садом и просторным двором, кой оберегают от напастей высокие каменные стены. Нет в мире этом места, что подошло бы более.

Элеонна, свет души моей, не в силах понести уж третий к ряду год, и все целители вещают, что в воздухе морском, в настоях из тысячелетника да в отдыхе под тенью дубовой, надемся мы найти исцеление. Служители господни велят молиться день и ночь, да там, где не потревожат души нашей пороки, да злые очи, порчу наводящие.

И мы нашли свой рай на этом свете»

«17 мая 1879 г.

Сегодня Элеонне поплохело. Должно быть, непривычный воздух повлиял, аль молится она с чрезмерным рвением. И забывает о мирской пище, возлагая нажд более на пищу духовную.

Во время предночной молитвы узрела милая моя супруга видение али неуспокоенную душу. Глупышка, напугалась и бежать.

Да разве ж может Господь наши позволить нам, христианинам честным, с бесовскими вещами дела-то иметь?»

«19 мая 1879 г.

Место сие благодатное не принимает нас. Али Бога разгневали молитвами эгоистичными, да просьбами бесконечными...

Все ночи напролет не утихает ветер, а с моря нам доносится то вой, то стон души заблудшей. Являются предо мною стал неуспокоенный – мужчина, в рыцарских одеждах, да без меча и со шлемом, что держит у локтя. Не смею говорить супруге, не надобно пугать ее.»

«22 мая 1879 г.

Неупокоенный преследует меня. Лишает сна мою жену. И не прогнать его никак – молитвы нам не помогли, обряды, что Элеонна знавала, не причиняли рыцарю вреда. И я пытался на него напасть, коснулся раз – и холод сковал мне душу.

Не благодатное сие место, а проклято. Нам жаль лишаться дома, но надобно бежать как можно скорее прочь»

«24 мая 1879 г.

Неупокоенный становится сильнее! Ничто не помогает с ним в борьбе. И чем сильнее завывает ветер, тем громче крики, вой и стоны, что сводят нас с ума.

С Элеонной мы бежать хотели, да двери под замком все, а на стене стоит тот самый рыцарь. Следит за нами днем, а по ночам – нам замок покидать нельзя. Однажды ринулись мы прочь, бежали, да не успели и дубов минуть – нагнал нас изверг, неприкаянный, одним касанием он заморозил руку мою. Успели под защитой стен спрятаться, да ночь потратили, дабы вернуть мою мне кисть. Все бестолку, трех пальцев я не чувствую, все почернели, и совсем не гнутся.

А если бы не родич Элеонны...»

«25 мая 1879 г.

Проклятие рода супруги нас обрекло на мучительную смерть!

Тот рыцарь уж и в замок вхож, нигде не скрывается от его ледяных прикосновений. Камин спасал нас, но дрова уж на исходе. И ветер, что дубы те гнет, все нарастает с каждым новым часом.

Тот вой уж больше не смолкает, и днями и ночами он терзает душу.

Спасенья нет – ни чрез ворота, ни чрез мост надо рвом, ни чрез стену. Мы всяко попытались, толку нет. Закрты мы навечно с рыцарем, и рано или поздно он достигнет нас.

В моей душе уж нет былой любви, и Элеонна, верно, знать все знала. Намерено вела нас к бесовским отродьям. Уж не намерена ли мою душу в жертву принести? Мне говорили, приглядишь, то ведьма, тебя очаровала без проблем. Ах, если б знать заранее... ах, если б знать»

«26 мая 1879 г.

Топили книгами камин, дабы прожить еще хотя бы ночь. А Элеонна вдруг решила почитать. Я никогда до этого не думал о ней плохо, однако более нет сил терпеть ее пустые разговоры, невежество и зло, что в себе несет. Я женился на иной девице. Быть может, понести ей не дает Господь, поскольку грешная она и недостойна продолжать мой род?

Нашла она предание о нашем новом доме – давным-давно здесь проживал лорд, с прекрасною женой, что за свой век недолгий уж пять раз звалась вдовой. И лорду этому служил прославленный турнирами и битвами рыцарь, светловолосый, статный, молодой. Однажды возжелала леди в лесу успокоение души найти, когда супруг ее захворал. Рыцарь сопровождал ее, невзирая на упреки и просьбы отпустить одну.

В лесу она уединилась и надолго. И рыцарь ждал смиренно возвращения. Когда же леди вновь пред ним предстала, он обомлел от ее красоты. И почему же ранее был слеп он?

И четырежды за одну луну, ходили рыцарь с леди в лес. Она была мила, приветлива и с каждым днем все больше расцветала, а муж ее, напротив, лишь слабел. Со временем все теплые из чувств, что благородный воин стал испытывать к чужой супруге, взаимности нашли. Их счастье было скрытным, но бесконечным, пока однажды рыцарь не возжелал узнать, что же в лесу его возлюбленная совершает.

Прознав про темный ритуал, что черной магией звался во все времена, он помешал ей и насильно повел к мужу, дабы тот казнил ведьму. В сердцах он обо всем поведал лорду,

но очарованный мужчина не поверил. Леди рыдала горькими слезами, вещая о непристойных просьбах рыцаря и сокрушалась пуще всех монашек. Влюбленный лорд приговорил благородного воина к казни.

Рыцарь молил о пощаде, он не боялся жизни лишиться, но жаждал открыть глаза глупцу. Тот лорд не замечал ничего, кроме своей прекраснейшей жены. Он не заметил ритуальных кругов, что оказались на месте казни, не замечал улыбки оскорбленной супруги. За любопытство рыцарь заплатил головой, но темная колдунья постаралась – палач с тупым мечом двенадцать нанессти успел ударов, пред тем, как дух покинул тело воина. Излюбленный ишем все это время был под боком, а одеяния покрылись кровью.

Все силы получила себе ведьма, и через пару дней, убив очередного мужа, покинула прекрасный замок на берегу моря.

Никто не знает, до сих пор жива ль, али ее секрет раскрыли.»

«28 мая 1879 г.

Я уж почти не замечаю воя, но холод, что врезается мне в плоть, тепер не отпускает и днем. Мы видим рыцаря, он очень близко, тянет руки. Мы отступаем в теплоту, и он не может следовать за нами. Вся мебель в комнате давно уж обратилась в пепел, и книг осталось лишь на день иль два.

В другие комнаты пытался я проникнуть, а рыцарь продолжал стоять на страже. Одно его касание лишило меня полностью кисти. Та постепенно лишалась жизни, скукоживалась, будто старичья и перестала вовсе шевелиться.

Через полдня она совсем отсохла, боль нестерпимая была и Элеонна вняла моим мольбам и отрубила мертвую руку. Я был уверен, что умру от боли, но выжил.

И знаю я – вина во всем Элеонны. Она нас обрекла на мучительную смерть, сама она еще цела и невредима, а я отныне останусь калеккой, ежели покину стены замка. Ох, как же зол я на супругу, я уж не знаю, что в ней нашел.»

«29 мая 1879 г.

Нет сил писать, нет мыслей, а из чувств – одна лишь ненависть к жене и ее роду. Пусть будет проклята она, пусть покарает ее Господь за все, что вынужден терпеть. Ох, ненавижу, всем сердцем и душой! Весь женский род – лишь проклятые ведьмы, что недостойны участи большей, чем быть рабынями и продолжать наш род.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.